

Не любо -- не слушай а лгать не мешай

У старика было три сынка: один хромой -- больно наперегонки гонялся, а третий, хоть был косолапый, зато только и знал, что ворон считал.

Вот раз пошли стариковы сыновья в лес дрова рубить. Пока хромой работать собирался, пока безногий чесался, а косолапый всех, ворон пересчитал, глядь -- и вечер настал. Пора ужин варить, а огня нету... Как быть, как горю пособить? Хромой был умен, безногий -- хитер, а косолапый -- догадлив: срубили три брата большую сосну в два обхвата, раскололи на поленья, сложили их в высокую кучу, и полез косолапый на самый верх высматривать, где бы огонька добыть да костер подналить.

Глядел-смотрел -- и впрямь увидел, что в одной стороне середь леса огонек светится. Пошел за огнем старший брат, хромой. У костра сидит старик.

"Здорово, дедушка, дай огоньку". -- "Попляши, тогда дам". -- "Да я не умею". -- "Ну, песню спой". -- "Не учился". -- "Ну, сказку скажи". -- "Я не горазд". "Коли так, -- говорит старик, -- убирайся, откуда пришел, нет тебе огня!" Воротился хромой ни с чем. "Эх ты, фефела! -- говорит ему безногий. -- Приходится мне идти". Пошел безногий -- и тоже с пустыми руками вернулся.

Дошла очередь до младшего брата, косолапого. Пришел и он к старику.

"Здорово, дедушка!" -- "Здорово, соседushка". -- "Дай, дедушка, огоньку". -- "А ты попляши, меня, старика, повесели". -- "Не умею я; куда мне колченогому!" -- "Ну, песню веселую спой". -- "Больно, я петь-то не горазд". -- "Коли так, хоть сказку скажи". -- "Вот это мое дело. Только один уговор: я буду сказывать, а ты не перебивай. Если перебьешь или скажешь, что неправду говорю, -- с тебя сто рублей". "Ладно!" -- говорит старик, а сам сел рядом с косолапым, лысиной к огоньку -- такая-то большая да светлая лысина! Вот и начал косолапый сказывать:

"Жил я с младшим моим дедушкой, когда еще он не женат был и батька мой не родился, потому самому, что как начался свет, мне было семь лет. Вот тогда-то жили мы куда богато: от наготы да босоты ломились шесты. Изба у нас была большая: на земле порог, да тут же и потолок -- хоть сидеть в избе нельзя, зато поглядеть хороша. Птицы у нас было -- одна курица, медной посуды -- крест да пуговица, скота -- таракан да жужелица, а в упряжь -- две кошки лысы да еще один кот-иноход. А земли сколько было -- и глазом не окинешь: пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы сдавали. Посеяли мы на полу-то ячмень, а на лавки семян не хватило. И вырос наш ячмень высок да густ; завелась в нем крыса; как стала ее ловить наша кошка

лыса -- так заблудилась, что и теперь еще бродит... Собрали мы тот ячмень, а сложить некуда. Я, хоть меньшей, да разумом большой -- догадался сложить скирду на печном столбе... А бабушка моя была куда резва -- на печь три года лезла, лезла-лезла, наклонилась, надвое переломилась да и скирду нашу в лохань уронила. Дед завыл, я заголосил... Бабушку мы лычком сшили -- она так еще десять лет ходила, а ячмень из лохани вытащили, пересушили, обмолотили и пива наварили. Сварили мы два пива: одно жидко, а другое -- что вода. Выпьешь любого бурак -- станешь совсем дурак; а как гостю стакан поднесешь, да за волосы потрясешь, да по затылку поленом оплетишь -- так и с ног долой... Да ты слушаешь, дед?" -- а сам деда рукавицей по лысине хлоп! "Слушаю, свет!"

"Ну, хорошо. Было у нас всего много: денег девяноста безо ста -- мы и счесть не умели спроста. Да и то сказать: сложить такие деньги не во что, а мешка купить не на что... Да была еще у нас лошадь сива, и случись со мной вот какое диво: раз поехал я на ней в лес дрова рубить, и топор у меня сзади за поясом. Еду я рысцой: трюх-трюх, а топор-то по лошади: тюк-тюк!

Тюкал-тюкал, да и отсек лошади весь зад... Слушаешь, дед?" -- а сам деда рукавицей по лысине щелк! "Слушаю, свет".

"На передке я три года ездил. Раз еду лесом, глядь -- а задок моей лошади на полянке пасется. Я его поймал, обротал да потом и пришил к передку березовым прутом. Стала березка кверху расти так, что невмочь уж лошади ее на себе нести, -- высоко-высоко выросла. Я надумал по березе кверху лезть. Лезу-лезу, а она все растет да растет, пока в облако не уперлась. Уцепился я за облако и на него вылез. Походил-посмотрел: нету ничего... Слушаешь, дед?" -- а сам деда по лысине рукавицей щелк! "Слушаю, свет!"

"Ну, надумал я назад на землю спускаться. Глядь, а лошадь-то мою дедушка поить угнал: не по чем лезть. Стал я на облаке проживать, голодом голодать: совсем отощал. И с той худобы завелись у меня блохи немалые. В ту пору я догадлив был: стал блох ловить, с них шкурки драть да веревку вить; свил веревку длинную, привязал концом к облаку и давай спускаться. На беду не хватило веревочки: до земли далеко, до облака высоко -- как быть? А я выдумал: сверху-то отрежу да на низ наставлю, отрежу да наставлю, отрежу да наставлю...

Да ты слушаешь, дед?" -- а сам деда по лысине рукавицей хлоп! "Слушаю, свет; и все твои речи -- правда истинная!"

"Резал я, резал; до того дошло, что и наставлять больше нечего. Я сижу, не тужу, по сторонам гляжу: мужик овес веет, полова вверх летит. Я скорей полову ловить да веревку вить; вил-вил-вил, мертвую крысу завил. Ни с того, ни с сего крыса ожила да веревку-то и перегрызла. Как полечу я вниз...

Летел-летел, летел-летел, летел-летел... Слушаешь, дед?" -- "Слушаю, свет". --

"А, чтоб тебя!.. Ладно. Сколько я летел, что и за сто рублей не скажешь, и свалился в болото, в трясику по самый рот ушел; хотел было воды напиться, да шею наклонить нельзя. Прибежала лиса, на моей голове гнездо свила, семерых лисят принесла. Шел мимо волк, лисят уволок, а я успел его за хвост схватить. Как уцеплюсь да закричу: тью-тью-тью! Волк меня из болота и вытащил".

Совсем беда приходит косолапому: скоро уж и сказывать нечего, а дед все не спорит, все не перебивает. Надо, что ни на есть, дальше рассказывать, чтоб своего добиться.

"Из болота я вылез голодный-преголодный. Глядь, а в дупле жареные перепелята сидят. Хотел было я в дупло руку просунуть -- не лезет. Делать нечего -- сам влез, наелся и растолстел, назад-то уж и не вылезу. Тут я догадлив был: домой за топором сбегал, прорубил дупло пошире и выкарабкался... Пошел я, неведомо куда, и пришел за море в такую сторону, где скот ни почем; за муху с мушонком дают корову с теленком, а за крупных оводов -- больших быков. Наловил я тут мух три куля, наменял коров да быков три табуна, пригнал к синему морю -- и давай горевать, как стадо домой гнать. Коли корабли нанимать -- дорого возьмут, коли вплавь пустить -- половина стада перетонет... Как тут быть, дед?" -- "Сказывай, сказывай, свет!"

"Ну, уж это ты врешь, свет, -- говорит старик. -- Не может того быть, чтоб на моем дедушке черти навоз возили!" "Может, не может, а сто рублей подавай!" Забрал косолапый у старика деньги, взял огня и вернулся к братьям. Сейчас они костер запалили, ужин сварили и так с голоду наелись, что, как заснули потом -- так и посеичас, должно быть, спят.